

За рішенням редколегії мовою оригіналу публікується важливий для історії археологічних досліджень у Херсонесі Таврійському рукопис 1963 р., у якому С.Ф. Стржелецький досить чітко і послідовно узагальнює усе зроблене на момент написання статті, критично оцінює тогочасний стан вивчення стратиграфії городища. Організований автором експедиції у Портовому районі Херсонеса вдалося піднести дослідження стратиграфії, а відтак, і методика ведення розкопок на найвищий на той час науковий рівень. Метою діяльності об'єднаної експедиції були чітко пошарові археологічні дослідження і прив'язка цих шарів до будівельних решіток споруд. Діяльність і наукові розробки С.Ф. Стржелецького з цих проблем стали окремим напрямом в археології Херсонеса, підґрунтям для розв'язання багатьох питань датування та інтерпретації пам'яток.

Станіслав Фанцевич
Стржелецький (1910—1965)

С.Ф. Стржелецький

ИЗУЧЕНИЕ СТРАТИГРАФИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА*

Статья посвящена истории развития стратиграфических исследований Херсонеса Таврического на основе усовершенствования методики ведения раскопок.

Систематические раскопки Херсонеса начались с ассигнования на них в 1876 г. святейшим Синодом 1000 руб. в год. С 1881 по 1888 гг. оплату раскопок взяло на себя Министерство народного образования. В течение этого времени работами руководило Одесское общество истории и древностей в лице специальной комиссии, состоящей из Н.Н. Мурзакевича, П.О. Бурачкова и о. Афанасия. Фактически в Херсонесе руководство работами было поручено инженеру-полковнику К.Е. Гемельману и монахам — управляющим Херсонесского монастыря — отцам Андрею, Маркиану и др. Работы оплачивались поденно. Работали солдаты.

«Методика» раскопок лучше всего отражена в письмах самих руководителей работ. Так, 16 апреля 1878 г. К.Е. Гемельман писал Н.Н. Мурзакевичу: «... и я не особенно часто бываю в Херсонесе. Тем не менее, свою задачу, как я понимаю ее

по своим знаниям — организовать раскопки, т. е. собственно работу, правильно и вести ее дешево, для пристрастия иметь надежного человека, дабы ничего не пропало и не было утаено — я исполнил, кажется, как следует. Определить за тем значение открытия зданий, монет и прочего, описать это и вообще разобрать научно-археологически — не мое дело, а делается теми членами Общества, которые знают более меня».

В следующем году (апрель 1879 г.) Н.Н. Мурзакевич вынужден был поручить А. Иванову (Таврическая Ученая Архивная Комиссия. — С.Ф. Стржелецкий) проверку состояния раскопок в Херсонесе. Результаты этой проверки А. Иванов изложил ему 14 апреля: «Хотя по развалинам и заглядывал всюду, не специально чтобы найти что-нибудь, так как это было совершенно бесполезно, а с целью убедиться в варварских приемах и способах произведения раскопок. Я не сдержался, чтобы не высказать своей мысли и своего сожаления о. Маркиану, и услышал, между прочим, что раскопки ведены без всякого надзора. Солдатики, нанимаемые для раскопок, работали, как хотели и что хотели: (...) нашлась какая монета или вещьца, по его мнению, ценная, в карман ее...»

А что же о. Андрей? О. Андрей с утра до вечера болен, а там делают, что хотят (...) тут вбли-

* Друкується за текстом з рукопису: Стржелецький С.Ф., Антонова І.А., Колесникова Л.Г., Суров Е.Г. Отчет о раскопках объединенной экспедиции Херсонского историко-археологического государственного музея и Уральского госуниверситета им. А.М. Горького // НА ІА НАН України—1963—1952.—248 с.

зи есть какой-то командир, который дает солдатам на водку, а они тащат ему всякую ценную монету и вещь.

Я предлагал о. Маркиану принять на себя эту комиссию (надзор за работами, С.Ф. Стржелецкий), но он Христом Богом упрашивал не возлагать на него этого бремени. Да и, по правде говоря, он человек занятый и часто отвлекаемый. Если поручить ему, то будет то же, что при о. Андрее».

Общество через Синод добилось назначения на этот пост о. Маркиана и прислало ему инструкцию, где в том числе указывало: «4. Рабочим, при начале раскопок, по молитвословию, внушить, чтобы они находимые монеты, вещи, куски мрамора с надписями и без оных отсюда никому не продавали, поелику эти вещи есть принадлежность монастырская (...) Это же самое внушить и тем, которые покусятся сторонним образом приобретать от рабочих находки».

Несмотря на все меры, предпринимаемые Обществом, положение дел в Херсонесе не изменилось. 9 августа 1883 г. о. Иоанн писал Н.Н. Мур-закевичу, что рабочие в его отсутствие «просиживают по целым часам», а «постоянно находиться при них и следить за работами, так равно и за находками я не могу».

В 1887 г. комиссия (гр. Уваров, Делано-министр народного просвещения, обер-прокурор Синода и Бычков) приняли решение:

1. Запретить раскопки в Херсонесе различным организациям и поручить это дело Императорской археологической комиссии (А.А. Бобринский).

2. Устроить музей.

3. Ассигновать средства, но не более 3—4 тыс.

4. Монастырь не закрывать.

5. Охрану Херсонеса поручить Археологической комиссии, Одесскому обществу и Севастопольскому градоначальнику.

По ходатайству Одесского общества заведение раскопками в Херсонесе было поручено К.К. Косцюшко-Валюжиничу, план первых работ был составлен Н. Юргевичем и А.Л. Бертье-Деллагардом. Фактически уже через 2 года раскопки планировались самостоятельно К.К. Косцюшко-Валюжиничем и утверждались Археологической комиссией, внимательно контролировавшей его деятельность.

К.К. Косцюшко-Валюжинич поставил своей задачей исследование двух городов. В первый же год этих работ был открыт «древнейший» город под позднесредневековым. Таким образом, К.К. Косцюшко-Валюжинич начал исследование стратиграфии Херсонеса, а раскопки вел до материка (скалы) на основе «строгости соблюдения (...) правил археологических разысканий» (Доклад 1891, с. 206 и сл.).

Наличие двух городов К.К. Косцюшко-Валюжинич продолжает отмечать и в следующие годы раскопок: «Здесь, также как и при разведках прошлого года (1888 г., С.Ф. Стржелецкий), в восточной части Херсонеса, под уровнем верхнего, византийского города, открыты остатки стен и множество засыпанных земель и камнем цистерн нижнего города» (Производство 1892, с. 13), и ниже: «древнего города в греко-римскую эпоху» (Производство 1892, с. 14), «находки, как и в прошлом году, относятся к двум эпохам истории Херсонеса: греко-латинской и византийской, в византийской, в зависимости от глубины культурного слоя...» (Отчет 1895, с. 52).

Опыт полевых исследований на восьмом году раскопок (1895 г.) К.К. Косцюшко-Валюжинича позволил исследователю констатировать на городище четыре слоя. Он пишет: «Однако же и этот «старый город» не есть еще Херсонес греческого автономного, ни даже римского периода, а принадлежит, как и верхний, к одной и той же византийской эпохе, так как все христианские базилики, открываемые в верхнем городе, сооружены раньше последнего...» (Отчет 1897, с. 91). Таким образом, К.К. Косцюшко-Валюжинич уже выявил четыре слоя: греческий — автономный, римский, нижний византийский («старый») и верхний византийский. Очевидно, что «эпохи» у него определяются в зависимости от глубины культурного слоя.

Наряду с этим исследователь различал лишь три строительных периода в раскапываемых им сооружениях. Это просматривается во всех его отчетах, включая и последний за 1905 г. (Косцюшко-Валюжинич 1907, табл. III—V). На планах, в указанных таблицах, условных обозначениях для периодизации строительных остатков указаны стены древнегреческой, римско-византийской и поздневизантийской эпох. Это обстоятельство свидетельствует о том, что К.К. Косцюшко-Валюжинич еще не освоил расчленения строительных остатков и приемов так называемого римского и раннесредневекового (V—VIII вв.) периодов.

Вместе с тем совершенно очевидно, что он еще не овладел в своей практике увязкой строительных остатков с той четырехслойной страти-графией городища, которая им же была установлена. Более того, вероятно, оба византийских слоя («верхнего» и «старого» города) принадлежат IX—XIV и XIV—XV вв., т. е. времени окончательной гибели города. И все же самой непоправимой ошибкой его полевой методики было смешение всего археологического материала на любом раскопе в пределах границ трех эпох — греческой, римской и византийской (по его определению) безо всякой фиксации найденных предметов и увязки их с определенным слоем и

конкретным сооружением, не говоря уже об их количественном соотношении.

После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича (1907 г.) Археологическая комиссия поручила руководство раскопками Херсонеса Р.Х. Леперу, бесспорно, знакомому с новейшей методикой археологических раскопок России и Запада. К сожалению, Р.Х. Лепер, не будучи археологом, не справился с возложенной на него задачей. Раскопки велись в его отсутствие, фиксация была запущена, чертежи не были сделаны, ведение дневников поручалось некомпетентным лицам, в том числе почти неграмотным рабочим, отчеты не были написаны.

Наряду с этим Р.Х. Лепер внес два новых направления в археологические работы в Херсонесе: ввел полевые описи на археологический материал, а опись материала вел в соответствии с «полами», под которыми и на которых он был найден при раскопках. Последнее обстоятельство свидетельствует о новой попытке дальнейшего улучшения полевых исследований.

После установления советской власти начался новый период в истории раскопок Херсонеса. Ликвидация монастыря, реорганизация музея и превращение территории городища в заповедник позволили планировать раскопки в Херсонесе на новой методологической основе, что неизбежно должно было привести к дальнейшему развитию археологической методики.

Раскопки 1926 г. под руководством К.Э. Гриневича были направлены на установление даты основания Херсонеса и его первоначальных границ. В основу полевой методики был взят так называемый послойно-квадратный метод, который в дальнейшей археологической практике был отброшен как не оправдавший себя. Включение искусственных квадратов при раскопках древнего города с конкретными кварталами, домами и их помещениями затрудняло работы, искусственно расчленяло археологические комплексы, осложняло фиксацию и противоречило конкретно-историческому исследованию археологических памятников по слоям.

В эти же годы было сделано первое стратиграфическое изучение культурных наслоений в Херсонесе, в его периболе, на обресе так называемой перемычки. На основном раскопе (в так называемой цитадели), где верхнесредневековые слои были удалены еще К.К. Косцюшко-Валюжиничем, К.Э. Гриневич зафиксировал три слоя (четвертый современный): эллинистический, ранневизантийский — римский и X—XI вв.

Раскопки 1930 г. под руководством Г.Д. Белова в западной части городища, где уже не применялся «послойно-квадратный метод», выявили на одном раскопе три слоя (верхнесредневековые были удалены при сооружении батареии

XIX в.): эллинистический, римский, первой половины средневековья (IX—X вв.). На втором раскопе было обнаружено четыре слоя: эллинистический, римский, первой половины средневековья и второй половины средневековья. Таким образом, раскопки 1920-х гг. в разделе изучения стратиграфии городища целиком опирались на предшествующий опыт К.К. Косцюшко-Валюжинича и не продвинули его разработки вперед.

К сожалению, это же расслоение на 4 слоя сохранялось и в дальнейшем — в 1930-х гг. В 1935 г. были выделены эллинистический период, или IV слой, римский, или III слой, средневековый первый период V—X вв., или II слой, средневековый второй период XI—XV вв., или I слой (Белов 1938). Особенно четко выступает эта четырехслойность в отчете за 1936 г., где, несмотря на появление памятников (погребений некрополя) классического периода, по-прежнему прослеживались только 4 слоя, а слои некрополя и эллинистического города объединены в один, так называемый IV (Белов 1938). Таким же образом освещена стратиграфия и в раскопках 1937 г., что и было обнаружено раскопками 1938 г. (Белов 1953, с. 32 и сл.). На несостоятельность подобной фиксации стратиграфии нам приходилось уже указывать (Стржелецкий 1948).

Попытка экспедиции 1940 г. на коллективных началах (Государственный херсонесский музей, ИИМК и Государственный Эрмитаж) сдвинуть изучение стратиграфии Херсонесского городища не дала существенных результатов. Правда, А.Л. Якобсону удалось заметить под позднесредневековыми помещениями № 1, 8 и 22 остатки раннесредневекового слоя до IX в., а нам осуществить первую попытку расчлененного плана квартала по строительным периодам: III—II вв. до н. э., V—VI, IX—X, XI—XII и XIII—XIV вв. (Белов 1953, с. 109) (чертежи авторами отчета не использованы).

В экспедициях 1941, 1947 и 1948 гг. (квартал XVIII) на тех же коллективных началах вопрос изучения стратиграфии (1941 и 1947 гг.) вновь занимал важное место. В.П. Лисин (1941 г.) обнаружил на своем участке (помещение № 6) четыре средневековых слоя: V—VI, IX—X, XI—XII и XIII—XIV вв. Аналогичное расчленение удалось проследить и А.Л. Якобсону в помещении 16 и прилегающем к нему дворе. Впервые удалось на нашем участке выделить слой IV в. со значительным количеством керамического материала (Белов 1953, с. 160 и сл.).

Тем не менее до настоящего времени изучение стратиграфии Херсонесского городища не было поставлено надлежащим образом. Как показал опыт и накопившиеся факты, стратиграфия городища значительно сложнее, чем она обычно пред-

ставляется. Недооценка этого вопроса приводит на практике к смешению разновременных археологических памятников, несовершенной датировке и вытекающей отсюда неправильной интерпретации даже крупных общественных сооружений и самой истории Херсонеса.

Указанные обстоятельства заставляют Государственный херсонесский музей совместно с Уральским университетом, приступившим к раскопкам в Херсонесе, уделить основное внимание изучению стратиграфии наряду с исследуемыми при этом памятниками Херсонеса.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. — Крым, 1938. — 350 с.

Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. — 1953. — № 43. — С. 32—105.

Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. — 1953. — № 43. — С. 160—236.

Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. — 1953. — № 43. — С. 109—159.

Доклад о действиях Императорской археологической комиссии за 1888 г. // ОАК за 1882—1888 гг. — СПб., 1891. — С. ССП—СССXXXIV.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. — 1907. — Вып. 25. — С. 67—171.

Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 г. // ОАК за 1893 г. — СПб., 1895. — С. 51—75.

Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича // ОАК за 1895 г. — СПб., 1897. — С. 87—116.

Производство археологических раскопок. В Таврической губернии. В Херсонесе // ОАК за 1889 г. — СПб., 1892. — С. 13—15.

Стржелецкий С.Ф. К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса // Историко-археологический сборник. — М., 1948.

С.Ф. Стржелецкий

ВИВЧЕННЯ СТРАТИГРАФІЇ ХЕРСОНЕСЬКОГО ГОРОДИЩА

У статті розглянуто історію вдосконалення методики археологічних розкопок у Херсонесі Таврійському. Простежено хронологію виділення археологічних шарів та історію їх дослідження. Окреслено стан і перспективи вивчення стратиграфії до початку розкопок 1963 р.

S.F. Strzheletskyj

STUDY OF STRATIGRAPHY OF CHERSONESAN CITY-SITE

The article views the history of improvement of the methods of archaeological excavations in Tauric Chersonesos. Based on that, the chronology of allotment of archaeological layers, and the history of their research are traced. The state and the perspectives of study the stratigraphy at the moment of the beginning of excavations in 1963 are determined.